

На правах рукописи

Носорева Татьяна Владимировна

ДЕЙКТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА
В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Курск – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Голованевский Аркадий Леонидович
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Бобунова Мария Александровна кандидат филологических наук, доцент Козлова Людмила Николаевна
Ведущая организация	Московский гуманитарный педагогический институт

Защита состоится «22» марта 2012г. в 09.00 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском
государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского
государственного университета.

Автореферат разослан «___» февраля 2012 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета доктор
филологических наук

И.С. Климас

Изучение поэтического языка в России как специальной разновидности языка художественной литературы имеет довольно давнюю и прочную традицию. Уже во второй половине XIX в. проблемами поэтического языка занимались некоторые представители Харьковской лингвистической школы и, прежде всего, А.А. Потебня. Как известно, наряду с созданием теории происхождения и развития языка, исторической грамматики, разработкой проблем семасиологии, истории литературы, фольклора, соотношения языка и мышления, он большое внимание уделял изучению поэтического языка, и предметом его наблюдений, в том числе, стал язык Ф.И. Тютчева. В XX в. широкую известность получил ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка). Так или иначе, с ОПОЯЗом были связаны виднейшие отечественные филологи В.Б. Шкловский, Е.Д. Поливанов, Р.О. Якобсон, Л.П. Якубинский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, В.М. Жирмунский и др. Многие из них уделяли серьёзное внимание изучению поэтического языка Ф.И. Тютчева. Под влиянием ОПОЯЗа или в полемике с ним, считают исследователи, сформировались взгляды Л.П. Якубинского, В.М. Жирмунского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина и многих других. Во второй половине XX в. и в первые годы нашего столетия серьёзный вклад в изучение поэтического языка внесли Ю.М. Лотман, Ю.И. Левин, И.И. Ковтунова, В.П. Григорьев, С.Т. Золян, коллективные труды сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и др.

В изучении поэтического текста ключевой проблемой является проблема идиостиля. Так, Г.О. Винокур писал, что «постановка вопроса об индивидуальном стиле и составляет границу между лингвистикой и прочими науками, заинтересованными в данных языка» (Г.О. Винокур 1959).

Следует отметить, что одной из мало исследованных областей поэтического языка остается морфология. Изучению морфологических средств в поэзии посвящены работы Р.О. Якобсона, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелева, И.А. Ионовной, В.П. Григорьева, Ю.И. Левина. Среди явлений поэтической морфологии особого внимания заслуживают местоимения.

Немаловажная роль в исследовании авторского языка в целом и поэтического в особенности принадлежит разработчикам теоретической проблемы «Русский язык и языковая личность» и, в первую очередь, Ю.Н. Караулову, В.И. Карасику, С.Г. Воркачеву, Г.И. Богину.

Считаем, что именно с достижениями в разработке теории языковой личности связана активная деятельность лексикографов по созданию авторских поэтических словарей. В последнее десятилетие появилось немало авторских словарей поэтов различных типов. В их числе и «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского. Словари, наряду с поэтическими текстами, становятся основными инструментами исследования всех уровней языковой личности автора, в том числе морфологического.

Значительное место при описании языковой личности отводится характеристике единиц, при помощи которых она выражает своё отношение к окружающему её миру. Местоимениям характерен особый способ отражения действительности: их звуковой комплекс не имеет постоянного содержания,

поэтому данные слова обладают большой семантической ёмкостью. Это позволяет с их помощью экономно указать на что-либо, сообщить о чем-либо, задать вопрос о предмете, признаке и т.д. Отражение субъектно-объектных отношений, пространственно-временное восприятие окружающего мира, а также личностное отношение к нему невозможно без использования дейктических средств. Класс местоимений в научной лингвистической литературе именуется рядом тождественных терминов: дейктические слова, прономинативы. Мы соответственно будем использовать их как абсолютные синонимы.

Представляется, что дейксис, как и другие составляющие внутреннего мира человека, в контексте художественного творчества позволяет представить личность самого художника слова, особенности его мировосприятия, нашедшие своё отражение в поэтических творениях.

В данном диссертационном исследовании анализу подвергается поэзия Ф.И. Тютчева с точки зрения отражения в ней авторской и языковой картины мира при использовании прономинативной лексики. Именно она создает то дейктическое поэтическое пространство, исследование которого определяет **актуальность** обращения к данной теме. **Актуальность работы** определяется также той специфической ролью, которой характеризуется класс местоимений в системе русского литературного языка: во-первых, спецификой поэтического языка, в котором местоимениям нередко принадлежит первостепенная роль, во-вторых, неповторимостью поэтического метода Ф.И. Тютчева, и, в-третьих, тем местом, которое занимают в языке его поэзии местоимения. Исследование дейктического пространства поэзии Ф.И. Тютчева действительно подтверждает важность наблюдений о выходящих за пределы собственно дейксиса значений местоимений. Надо сказать, что непосредственно к изучению поэтической семантики местоимений исследователи только приступают, имеющиеся опубликованные работы затрагивают эту тему в самом общем виде. Следует отметить, что при достаточно большом исследовательском материале по творчеству Ф.И. Тютчева, при серьёзном анализе его поэтики, грамматика редко становилась предметом специального изучения.

Объектом исследования являются поэтические тексты Ф.И. Тютчева, отражающие особенности его языковой поэтической личности.

Предметом данного исследования является определение роли местоимений в системе языка и в поэтических текстах Ф.И. Тютчева, выявления их возможностей создавать те смыслы, которые организуют дейктическое пространство языка его поэзии. **Материалом** для анализа послужил весь корпус стихотворений Ф.И. Тютчева, представленный в наиболее полных изданиях. Из них методом сплошной выборки были выделены контексты с местоименными словами. Результатом анализа явилась оригинальная картотека, насчитывающая 279 местоименных слов с частотой употребления 5595 словоформ.

Цель диссертационного исследования – выявление семантической и смысловой роли, которую играет класс прономинативов в поэзии

Ф.И. Тютчева. Для достижения настоящей цели потребовалось последовательное решение следующих задач:

1. Систематизировать сложившиеся в лингвистике взгляды на проблему местоимений как организаторов дейктического пространства.

2. Охарактеризовать основные лексические и семантико-стилистические особенности языка поэзии Ф.И. Тютчева, определяющие черты его языковой личности.

3. Выделить местоименные слова, представляющие группу личного дейксиса поэзии Ф.И. Тютчева, дать им семантическое толкование, исходя из оригинального поэтического контекста.

4. Исследовать и описать дейктические единицы, относящиеся к пространственно-временному дейксису поэтического идиолекта Ф.И. Тютчева.

5. Проанализировать семантику местоименных слов сквозь призму специфических особенностей тютчевского поэтического языка.

Поставленные цели и задачи определили **методы и приемы исследования**, к которым относятся: описательный, сравнительно-сопоставительный, методы компонентного семантического анализа, структурно-полевой метод, элементы статистического анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые дается полная и многоаспектная лексико-семантическая характеристика местоименных слов в поэзии Ф.И. Тютчева с точки зрения современных взглядов на местоимение, исходы которого открывают смыслы определённости, неопределённости, отсутствия. В работе впервые показано, что наличие или отсутствия конкретных местоимений, указывающих на эти смыслы, связано с рядом особенностей тютчевского идиолекта. До настоящего времени целостные исследования дейктических слов на материале художественных текстов одного автора не проводились.

Теоретическая значимость заключается в разработке особых приёмов семантизации местоименных слов в поэтическом тексте, позволяющих выявить их роль в создании неоднозначности, философичности, метафоричности на примере тютчевского идиолекта.

Практическая значимость исследования состоит в том, что принципы анализа и выводы, полученные в ходе работы, могут быть использованы при дальнейшем изучении семантики поэтического языка Ф.И. Тютчева, могут применяться в процессе преподавания таких лингвистических дисциплин, как лексикология, лексическая и поэтическая семантика, морфология. Материалы диссертации могут значительно дополнить дефиниции местоимений в толковых и авторских словарях русского языка, послужить основой для разработки специальных курсов и семинаров по специфике поэтического языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В лирике поэта представлены основные местоименные исходы, отмеченные в работах Н.Ю. Шведовой. Наиболее полно в словаре Ф.И. Тютчева представлен сегмент определённости, в то время как сегмент неопределённости зафиксирован лишь у исходов *что, какой, когда, где, как*. Семантика неопределённости в поэзии Ф.И. Тютчева

- реализуется за счёт других лексико-грамматических средств и особенностей словоупотреблений.
2. Система субъектно-объектной организации поэзии Ф.И. Тютчева отличается оригинальностью: личные местоимения имеют особый набор употреблений, дейктические слова в поэзии Ф.И. Тютчева несут особую структурную нагрузку.
 3. Местоименные слова отражают важный признак, свойственный языку поэта: неоднозначность, философичность, метафоричность.
 4. Дейктические средства являются в поэзии Ф.И. Тютчева актуализаторами компонентов речевого высказывания.
 5. Пространственно-временной дейксис является у Ф.И. Тютчева достаточно резко выраженным, имеющим своеобразные черты.
 6. Приёмы семантической организации местоименных слов используются в его едином (оригинальном и переводном) поэтическом тексте.
 7. Анализ частотности употребления семантического множества местоименных слов в текстах Ф.И. Тютчева свидетельствует о явном преобладании в индивидуальном лексиконе лексических средств, эксплицирующих высокую степень уверенности субъекта в полноте имеющейся у него информации об окружающем мире.

Апробация работы. Положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка БГУ(2006-2010) и аспирантских семинарах 2006, 2007, 2008, 2009г. Основные выводы диссертации были освещены в докладах на Всероссийской научной конференции Белгородского государственного университета (2006), Международных научных конференциях Орловского государственного университета (2007) и Брянского государственного университета (2007, 2011гг). Содержание исследования отражено в 9 научных публикациях, одна из которых напечатана в реферируемом научном издании ВАК: Известия РГПУ им. А.И. Герцена.

Структура диссертационного исследования. Представленная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и трёх приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, её актуальность, сформулированы цели и задачи исследования, определены новизна работы, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава **«Теоретические предпосылки изучения местоимений в рамках художественной поэтической системы»** посвящена изложению основных теоретических вопросов, касающихся местоимений и определения их места и роли среди лексико-грамматических классов слов, а также описаны различные подходы к изучению местоимений в поэтическом языке. Глава состоит из двух параграфов.

Содержание **первого параграфа «Теоретические основы изучения местоимений»** составляет описание разных подходов в изучении местоимений в науке о языке, характеристика понятий дейксиса и референции. Показано, что в лингвистике существуют две точки зрения на статус местоимений: одни учёные признают их особой частью речи (М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, А.А. Шахматов, Л.А. Булаховский, А.Н. Гвоздев), другие, напротив, не считают местоимения самостоятельной частью речи и распределяют их по знаменательным частям речи (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.Н. Мигирин, И.Г. Милославский).

Авторы «Русской грамматики 1980» придерживаются мнения В.В. Виноградова, который выделял особый класс местоименных существительных (по терминологии В.В. Виноградова предметно-личные местоимения).

В разделе **«Дейксис. Референция»** рассматривается вопрос о степени изученности дейксиса и референции в современной лингвистике. Проблема указательности является актуальной в современном языкознании, её изучению посвящены работы ряда учёных: К. Бюлера, Ю.Д. Апресяна, С.Д. Кацнельсона, А.А. Кибрика, Е.В. Падучевой, И.А. Стернина С.А. Крылова. Термин «дейксис» тесно связан с понятием «референция».

Многими лингвистами дейксис понимается как чисто речевое явление, так как вне ситуации речи значения дейктических слов теряют свою определённую. Безусловно, дейксис помогает фокусировать внимание слушающего на некоторых элементах пространства. И указание как особый приём словесного выделения предмета предполагает конкретную ситуацию речи с участниками, местом и временем, однако говорить о том, что дейктики имеют значения только в конкретных речевых актах, необоснованно.

В данном исследовании мы будем придерживаться более современного взгляда на явление дейксиса, суть которого заключается в том, что дейксис представляет не морфологическую, а скорее функциональную сторону языка. Эта точка зрения близка к определению дейксиса, данному В.А. Виноградовым. Дейксис – указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами. Дейксис служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания (В.А. Виноградов).

В науке мнение о местоимениях как группе дейктических слов широко распространено и весьма устойчиво.

Исследователями различаются три основных вида дейксиса – **персональный** (личный), **пространственный** и **временной**. Местоимение является основным средством кодирования всех трёх видов дейксиса.

Изучение дейксиса и его типов находится в стадии накопления материалов, и в современном языкознании имеется много нерешённых вопросов, связанных с ним.

Решение вопроса о референции в языке всегда обращается в исследование о местоимениях, так как местоимения составляют главное её средство. Е.В. Падучева в своей работе «Высказывание и его соотнесенность с

действительностью» (Е.В. Падучева, 1985), анализируя выражения, предназначенные для конкретной референции, приходит к выводу, что «местоимения и есть тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции» (Е.В. Падучева, 1985). Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения образуют особый лексико-семантический класс слов, имеющий большое значение в осуществлении референции. Таким образом, понятия местоимение, дейксис, референция неразрывно связаны друг с другом.

В последние годы идея о местоимении как об особом классе слов получила развитие в ряде трудов Н. Ю. Шведовой. Н. Ю. Шведова пришла к такому выводу: местоимения, прежде всего, служат для означения тех смыслов, которые восходят к глобальным понятиям действительности и скрепляют их в единую понятийную систему. К таковым смыслам она относит одушевленное существо, действие или процессуальное состояние, предмет, признак, принадлежность, образ или способ действия, количество, меру, место, время, предел, цель, причину и заключает, что «в языке существует закрытая система слов, специально созданная для означения соответствующих понятий и их регулярных модификаций: именно таков класс местоимений...» (Н.Ю. Шведова, 1998).

Во втором параграфе **«Местоимение в аспекте изучения художественной поэтической системы»** проводится анализ теоретических вопросов, касающихся: а) особенностей поэтического языка и поэтического слова, характеризующих личности автора и его языковой картины мира, б) значения местоимений в организации поэтического языка.

В работе отмечается, что антропологическая лингвистика признает в качестве особого идеального объекта не язык сам по себе, а с точки зрения носителя языка, языковой личности.

Индивидуальная языковая картина мира формируется из-за особого отражение мира того или иного художника слова.

Освещение проблемы языковой картины мира невозможно без изучения проблемы поэтического языка. Этот вопрос серьезно разрабатывался в трудах зарубежных и отечественных лингвистов. Отмечается, что, несмотря на огромный вклад отечественных ученых в исследование поэтического языка (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, С.Т. Золян, И. И. Ковтунова, О.Г. Ревзина), общепринятой её теории не существует, нет «четкой внутренней структуры, собственного понятийного аппарата, равно как нет надежных методов анализа» (О.Г. Ревзина, 1998).

В исследовательской литературе поэтический язык отдельного автора принято называть идиолектом. Под поэтическим идиолектом понимается «одно из состояний системы поэтического языка, актуализированное в творчестве некоторого поэта» (С.Т. Золян, 1986). Исследователи склонны отождествлять понятия «поэтический идиолект» и «поэтический язык», по мнению многих лингвистов, именно он способен вербализовать индивидуально-художественное мышление о мире.

Исследование поэтических идиолектов на сегодняшний день является одним из главных направлений лингвистической поэтики. «Целостное описание поэтического идиолекта позволяет выявить принципы художественного мышления его творца и реконструировать его художественный универсум (картину мира)» (О.Г. Ревзина, 1998).

Одним из сложных вопросов теории поэтического языка является вопрос о соотношении образности и смысловой многоплановости слова в поэзии. Анализ соотношения образности и смысловой многоплановости слова выдвинул проблему поэтической семантики, проанализированную в работах Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана и других исследователей. Основным её положением стало то, что «слово в поэзии ведет себя по-особому... оказывается не равно самому себе... ибо оно «крупнее» этого же слова в общеязыковом тексте» (Ю.М. Лотман, 1996).

Анализ поэтической семантики позволил по-новому взглянуть на структурно-функциональные элементы поэтического текста и не разделять их по принадлежности к высшему и низшему уровню. Исследователями было установлено, что «в самой поэтической структуре все элементы взаимно соотнесены и как следствие этого семантически нагружены». Более того, «семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре» (Ю.М. Лотман, 1996). Слово в поэтическом тексте из единицы структуры превращается в достаточно значимый её элемент.

Одним из наиболее сложных вопросов теории поэтического текста является вопрос о поэтической функции грамматических категорий, имеющий непосредственное отношение к исследуемой теме.

Проблема значимости морфологических элементов в художественном тексте была предметом изучения в работах таких исследователей, как Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, Г.А. Гуковский.

Р.О. Якобсон обосновал особую роль местоимений в структуре поэтического текста, но рассматривал местоимения как насквозь грамматические, чисто реляционные слова, лишённые собственно лексического, материального значения, явно противопоставляя их остальным изменяемым частям речи.

О влиянии местоимений на конструкцию стихотворного текста говорил Ю.М. Лотман. Он поддержал идею о структурной роли прономинативов в поэтической речи, но в то же время высказал предположение, что в поэзии нет основания противопоставлять чисто реляционные предположения материальным, так же, как нет безусловного разграничения грамматического и лексического уровней.

Специальному изучению местоимений в русской лирике положил начало Г.О. Винокур в незаконченной статье 40-х годов XX в. «Я и Ты в лирике Баратынского» (Г.О. Винокур, 1990). В этой работе он подробно анализировал средства языка, служащие для обозначения субъекта и адресата речи. По мнению исследователей, Г.О. Винокур предпринял первую попытку изучения морфологического и синтаксического выражения адресанта и адресата, в центре его внимания оказалась поэтическая функция тех грамматических

явлений, которые Р.О. Якобсон считал эстетически релевантными. Более разветвленную классификацию дает Ю.И. Левин в статье «Лирика с коммуникативной точки зрения» (1973), выделяя четыре типа текстов и приводя классификацию значений первого и второго лица в лирике.

Теорию поэтического языка развивает И.И. Ковтунова в монографии «Поэтический синтаксис» (1986). Своеобразные условия коммуникации в лирике усложняют и преобразуют функции первого, второго и третьего лица. «Переходы в лирическом тексте от третьего лица ко второму и обратно позволяют тонко дифференцировать более далекое и более близкое, менять дистанцию между говорящим и предметом речи. Эти переходы способны создавать смысловую градацию явлений, которая в динамическом развертывании текста предстает как приближение – отдаление, субъективация – объективация, «лиризация» – «эпизация»» (И.И. Ковтунова, 1986).

В рамках второй главы **«Особенности поэзии Ф.И. Тютчева и теоретические основы их изучения»** раскрывается степень изученности творчества Ф.И. Тютчева, рассматривается специфика языковой личности поэта, проводится общий анализ лексических и семантико-стилистических особенностей его поэзии.

Творчество поэта остаётся до сегодняшнего времени благодатным материалом для исследований многими научными дисциплинами. На современном этапе все изыскания в этой области сформировались в отдельное направление – тютчеведение. С каждым годом возрастает количество материалов в этой области.

Привлекает внимание и тот факт, что в Интернете создан особый сайт, посвященный жизни и творчеству поэта, который носит название «Тютчевиана». Он обобщает то, что сделано российскими и зарубежными тютчеведами почти за полтора столетия со дня выхода первых критических статей о творчестве поэта. Сайт постоянно пополняется новыми статьями о творчестве Ф.И. Тютчева.

Однако, во всей исследовательской литературе невелико количество работ, посвященных изучению языковых особенностей произведений поэта. «В обширной и, как правило, весьма доброкачественной тютчевиане поразительно мало внимания уделяется специфике языка поэта. Такие существенные аспекты языка, как фонетика, грамматика и просодия, применительно к Тютчеву остаются полностью вне поля зрения исследователей» (Ю.М. Лотман, 1996). Долгое время мнение учёного было особенно актуальным.

За последние 15 лет ситуация в определённой мере изменилась. Современные исследования творчества поэта пополняются работами, в которых анализируются отличительные черты тютчевской поэтической семантики. Среди них – работы, дающее общее представление о языке и семантике тютчевского слова (А.Л. Голованевский, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009; Н.В. Атаманова, 2006), исследования, рассматривающие специфику языка в контексте анализа отдельных лирических произведений (П.Н. Толстогузов, 2004; Н.А. Николина, 2003) или отдельных лексико-семантических полей (Н.А. Гуриченко, 2005; А.В. Белов, 2008).

Существенный вклад в исследование языка поэзии Ф.И. Тютчева без сомнения внес вышедший в 2009г. «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского. Он позволил выявить ряд особенностей поэтического языка поэта, одной из которых является поэтическая неоднозначность отдельных групп слов в поэтическом контексте. Исследователи дали ему высокую оценку, отметив его полноту, которая находит отражение в словнике, разработке значений слов, иллюстрациях, фразеологическом составе поэтических произведений. Словарь «являет собой результат осмысления и систематизации сложного по своей художественной фактуре исходного материала» (Л.Л. Шестакова, Ю.Б. Мартыненко 2010).

В третьей главе **«Структурно-семантическая организация местоимений в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева»** описывается идиостиль Ф.И. Тютчева с точки зрения индивидуально-авторского использования системы местоимений, их места, количественного состава, семантического наполнения и роли в создании поэтической образности стихотворных текстов.

Работ по исследованию местоимений в художественном тексте в науке ещё не так много, существуют отдельные описания семантики и функционирования местоименных слов в поэзии, прозе (М.Ф. Фёдоров, Л.А. Горшкова, Н.А. Сребрянская, И.И. Ковтунова, И.И. Чумак-Жунь).

В главе описывается система местоимений в поэзии Ф.И. Тютчева, исходя из теоретических положений, представленных в концепции Н.Ю. Шведовой (Н.Ю. Шведова, 1998). Н.Ю. Шведова, наиболее полно и всесторонне исследовавшая место и функции местоимений в системе языка, доказала, что дейктические единицы указывают на те центральные понятия – смыслы, вокруг которых группируется вся номинативная лексика. По подсчётам Н.Ю. Шведовой, в современном русском литературном языке функционирует более 100 местоимений, которые ею распределяются на две группы: 1) исходные местоимения, означающие наиболее общие глобальные понятия; 2) местоимения, входящие в сегменты исхода и означающие: определенность, неопределенность; непредставленность, всеобщность, всеохватность; связь компонентов текста, исключительность.

Если рассматривать местоименный состав поэзии Ф.И. Тютчева сквозь призму новой классификации Н.Ю. Шведовой, то стоит отметить, что система местоимений Ф.И. Тютчева включает все местоименные исходы. Наиболее полно в словаре поэта представлен сегмент определенности. К нему относятся местоимения с такой частотностью: *я* – 346, *ты* – 389, *он* – 257, *мы* – 112, *вы* – 58, *они* – 45, *сам* – 47, *себя* – 22, *себе* – 29, *это* – 28, *то* – 83; *мой* – 47, *твой* – 75, *его* – 91, *наш* – 90, *ваш* – 53, *их* – 153; *свой* – 57; *столько* – 9; *этот* – 39, *сей* – 109, *оньй* – 1, *тот* – 42, *тут* – 19, *там* – 77; *сюда* – 2, *туда* – 13; *отсюда* – 0, *отсель* – 1, *досель* – 2; *так* – 152. Сегмент неопределённости средствами исходных местоимений в его поэзии представлен достаточно скромно, хотя идеи невысказанности, неопределенности – отдельная черта его поэзии, о чем нередко упоминают исследователи его творчества. Несомненно, что Ф.И. Тютчев воплощал эти идеи другими средствами (в том числе и частицей

как бы). А.Л. Голованевский отмечает, что в языке его поэзии она употребляется более 30 раз и несет «семантические наслоения неопределённости, невысказанности, непонимания высказанного» (А.Л. Голованевский, 2006). В его поэтическом языке сегмент неопределённости у исхода *кто* отсутствует вообще, а представлен у исходов *что* (*нечто* – 2, *что-то* – 4), *какой* (*некий* – 8, *какой-то* – 6), *когда* (*когда-то* – 1), *где* (*где-то* – 1, *кой-где* – 4), *как* (*кое-как* – 1, *кой-как* – 1).

Исходное местоимение *кто* в отношении явления «человекоцентризма» занимает первое место, так как им создана самая полная и точная система местоимений, заполняющих сегмент определённости, и *кто* проникает в другие смысловые сферы, означая при этом не только живое существо, но и многие другие первичные смыслы и их контаминации. Местоимение *кто* не является самым высокочастотным в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева (86 употреблений), однако стоит учитывать специфику смысла *кто*, которая заключается в том, что местоимение стремится своими собственными средствами участвовать в представлении таких смыслов, как *где* – «место», *когда* – «время», *почему* – «причина», что значительно повышает возможности реализации этих «человекоцентристских» смыслов (Н.Ю. Шведова, 1998).

Для определения семантики местоименного слова в поэтическом тексте вырабатывается новая система значений, основанная на «лексико-грамматической и стилистической специфике текстов» (А.Л. Голованевский, 2009). Она позволяет определить, за счёт каких семантических компонентов конкретизируются значения местоимения.

При семантическом анализе слова *кто*, было установлено, что важным конкретизатором его значений в поэтической системе Ф.И. Тютчева являются, во-первых, синтаксические конструкции, во-вторых, лексическое окружение слова в тексте. Одним из таких конкретизаторов, указывающим на ограничение круга лиц по тому или иному признаку, является синтаксическая конструкция *того, кто; кто... тот*. Она и определяет 1-ое значение местоимения *кто* в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева. *Кто* – это человек, люди, для которых характерны определённые признаки, действия, состояния: *Гигант, все времена превысивший главой, Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой...* <77>. (Весь иллюстративный материал приводится по сборнику «Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений» Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.). *Честь тому, кто, не робея, Жизнь за братьев положил...<179>. Как тот, кто жгучею тоскою Томился по краю родном...<280>.*

В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева местоимение *кто* выступает как указание на конкретного, знакомого человека или человека конкретной профессии, например, А.С. Норов: *Тому, кто с верой и любовью Служил земле своей родной –... И кто – недаром – провиденьем, Поставлен новым поколениям В благонадежные вожди.<220>.*

Следует отметить, что конкретизатором такого значения является определённость лица, на которое указывает местоимение.

В текстах поэта местоимение *кто* встречается в значении указания на одного или многих из неопределённого количества, не всех, избранных.

Семантическим составляющим этого значения является количественно-избирательный признак, позволяющий определять *кто* как часть людей (общество), отличающихся от остальных какими-либо особыми признаками, действиями, поступками, наделённых чем-то особенным либо с особенной судьбой, не такой как у всех: **Кто** может, радостный, сказать себе: "Я жил!"<4>. Счастлив, **кто** гласом твердым, смелым Вещать тиранам закослелым Святые истины рожден? <8>.

Романтик и философ, Ф.И. Тютчев не может обойтись без риторических вопросов. Одно из значений местоимений, свойственное тютчевскому словарю, проявляется именно в нем. Местоимение *кто* в такой конструкции – это неизвестное лицо, существование его сомнительно, скорее всего, его не существует. Значение такого *кто* чаще всего используется в переводных произведениях: **Кто** же призрит Гекторова сына, **Кто** научит долгу властелина... <13>. **Кто** постигнет провиденье? <17>; и в оригинальной лирике: **Кто** смеет молвить: до свиданья Чрез бездну двух или трёх дней<208>. Что гложет ум и в сердце ноет, – **Кто** их излечит, кто прикроет?..<225>. Н.Ю. Шведова отмечает, что «Во всех подобных случаях *кто* приближается к *никто*: под сомнение ставится само существование означаемого» (Н.Ю. Шведова, 1998).

«Малая система» местоимения *кто* представлена у Ф.И. Тютчева оппозицией: определённая – непредставленность при полном отсутствии формального сегмента неопределённости. Местоимения *я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам(сама, само), сами, себя* входят во внутреннюю структуру местоимения *кто*, являются его смысловыми составляющими. Они же и представляют сегмент определённости.

Специфика слова *я* была основательно проанализирована С.Н. Булгаковым в книге «Философия имени». «Я есть та точка, из которой говорящий смотрит и выражает в слове весь мир. Я есть ориентирующая точка бытия, мысли и слова» (С.Н. Булгаков, 1997).

Содержание поэтического *я* охватывает мир, отраженный в сознании поэта, куда входят масштабы пространства и времени, отношение поэта к природе и истории, к Космосу и Вселенной.

Лирический герой Ф.И. Тютчева – это человек, глубоко мыслящий, склонный к философскому осмыслению действительности, находящийся в постоянном поиске смысла и истины существования: *Всесилен я и вместе слаб...*<5>. *Весенней негой утомлён, Вдался я в сладкое забвенье...*<50>. *Сей день, я помню, для меня был утром жизненного дня...*<84>. *Всё во мне, и я во всем!*<159 >.

Местоимение *я* в тютчевских стихотворениях имеет значение «я-диалогическое» и «я – монологическое». Значение «диалогического я» проявляется в использовании поэтом прямой речи, внутреннего диалога: *Я сух и тощ от книг ...Я полон желчи был - отмстителен и зол...*<91>. *Так, Фауст я, дух, как ты! твой равный я!..* <85>. *Ты любишь искренно и пламенно, а я - Я на тебя гляжу с досадою ревнивой...*<185>.

Личное местоимение *Мы* в контекстах поэта представляет собой лексему с довольно широкой лексико-семантической структурой. Значение названной лексики определяется несколькими факторами: а) семантической особенностью поэтического дискурса; б) контекстуальным наполнением высказывания или всего произведения; в) использованием в оригинальном или переводном произведении, где то или иное значение может быть предопределено автором.

Для Ф.И. Тютчева характерно употребление *Мы* в отвлечённо-обобщенном значении, когда местоимение указывает на всех или на неопределённое множество лиц.

В этом значении *Мы* принадлежит к «смысловому пространству всеохватности (всеобщности)» (Н.Ю. Шведова).

Подобное значение автор поэтического словаря Ф.И. Тютчева А.Л. Голованевский относит к афористическим: *Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам сочувствие дается. Как нам дается благодать...<317>. О, как на склоне наших лет Нежней мы любим и суеверней... Сияй, сияй, прощальный свет Любви последней, зари вечерней!..<204>.*

Местоимение *Мы* в поэзии Ф.И. Тютчева используется для обозначения круга людей, объединенных общими ценностями и общей судьбой, обязанных по мере возможности оберегать общее достояние и помогать друг другу. Чаще всего оно встречается в стихотворениях, посвященных гражданской, патриотической тематике. Такое значение местоимения *мы* определено нами как МЫ групповое, где говорящий отождествляет себя: а) с близкими друзьями: *Потом мы все, в молитвенном молчанье, Священные поминки сотворим, Мы сотворим тройное возлиянье Трем незабвенно-дорогим...<241>*, б) со сторонниками официальной политики, с теми, кто разделяет взгляды Тютчева на роль России в истории славянства: *Гуманный внук воинственного деда, Простите нам, наш симпатичный князь, Что русского чествуем мы людоеда, Мы, русские, Европы не спросясь!..<253>*, в) со всеми людьми, с теми, кому предназначена общая судьба: *Брат, столько лет сопутствовавший мне, И ты ушел, куда мы все идем, И я теперь на голой вышине Стою один,- и пусто все кругом... <340>.*

В текстах поэта встречается местоимение *Мы*, где говорящий – сами природные явления. В таком случае местоимения *Мы* определяется нами как *Мы олицетворения*, означающее группу неодушевленных персонажей, таких как ручьи, листья, от лица которых и идет речь: *Пусть сосны и ели Всю зиму торчат,... Мы ж, легкое племя, Цветем и блещим И краткое время На сучьях гостим. Все красное лето Мы были в красе, Играли с лучами, Купались в росе! <81>; Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят — Бегут и будят сонный брег, Бегут и блещут и гласят -... Мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед. <72>.*

Местоимение *ты* - это второй после *Я* семантический центр стихотворения, оно является одним из компонентов его «сюжетной схемы». Но,

кроме этого, местоимение *ты* в лирических произведениях может выполнять функцию обращения к слушателю, побуждая его восприятию речи.

В поэтическом языке поэта местоимение 2-го лица единственного числа семантизируется несколькими способами. Так возможно определить первое значение местоимения как «*ты лирического собеседника*». Конкретный собеседник представлен у Ф.И. Тютчева разнообразно, это и брат, и поэт, и критик, и господь: брат: *Брат, столько лет сопутствовавший мне, И ты ушел, куда мы все идем...* <340>.

Достаточно часто встречается у Ф.И. Тютчева местоимение 2-го лица ед.ч. в значении «*ты воображаемого собеседника*». Если конкретным лирическим собеседником всегда является определенное, конкретное лицо, то в качестве воображаемого собеседника у Ф.И. Тютчева обычно выступают неодушевлённые предметы, например: арфа: *О арфа скальда! Долго ты спала В тени, в пыли забытого угла...*<99>; волна: *Ты, волна моя морская, своенравная волна, Как, покоясь иль играя, Чудной жизни ты полна!* <200>.

Можно выделить в контекстах поэта и «*ты отвлечённого собеседника*», где в роли собеседника выступают отвлеченные понятия, например, свобода: *Над этой темною толпой Непробужденного народа Взойдешь ли ты когда, Свобода, Блеснет ли луч твой золотой?..* <225>.

В стихотворениях поэта очень часто адресатом является любимая, возлюбленная. *Ты* – это избранник лирического героя, к нему направлено его обращение, ему выражает чувства и переживания. Неоспоримым для поэта является и тот факт, что адресаты в любовной лирике Ф.И. Тютчева – это женщины, которых были близки, дороги поэту: Амалия Максимилиановна Крюденер: *И на холму, там, где, белея, Руина замка вдаль глядит, Стояла ты, младая фея, На мшистый оперишь гранит...* <122>.

Местоимение *ты* может использоваться для выражения лирическим субъектом самого себя. Значение местоимения определено нами как «*любое лицо, в том числе и говорящий – Я*». Субъект и собеседник при этом не разграничиваются: при апелляции к читателю поэт одновременно обращается и к себе: *Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь.* <73>.

При помощи референта Ф.И. Тютчев в своих лирических произведениях характеризует отдельных людей, пытающихся понять смысл собственной жизни, земного существования, размышляет о глобальных понятиях бытия: добре и зле, жизни и смерти, например: *Не богу ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые -Все было ложь в тебе, все призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей.* <218>(О царе Николае I).

Одним из семантических центров лирического произведения, является местоимение *вы*, в значении которого содержится отсылка к слушающему или к слушающим.

На значение местоимения *вы* в поэзии Ф.И. Тютчева влияют, прежде всего, контекстуальное окружение и синтаксическая позиция. Так для поэта свойственно использовать местоимение *Вы* для обозначения лиц, людей в их

общей массе, числе. Значение такого *Вы* можно определить как «*вы обобщенного собеседника*», где в роли слушающего выступают все люди, человечество в целом: *Не то, что мните вы, природа! Не слепок, не бездушный лик - В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней язык.. <121>*.

Местоимение *Вы* в поэзии Ф.И. Тютчева употребляется в анафорической и дейктической функции в таких значениях: а) при обращении к одному или нескольким лицам и явлениям природы, богам, частям человеческого тела и другим, одушевленным или неодушевленным, лицам, предметам; б) в качестве замены неназываемого или называемого конкретного лица: *Я встретил вас... <335>*. *Но я, я с вами распротился... <130>*; в) в устойчивом выражении «*Бог с вами*» <115>.

Поэт использует местоимение *вы* в отвлечённо-обобщённом значении, где местоимение указывает на неопределённо многих лиц. Конкретизации такого значения способствует конструкция с местоимением *все*: *Вы все*. Местоимение *вы* является акцентологическим центром, а слово *все* позволяет создать некую обобщённость, всеохватность. *Вы все ничто! Господь решит, господь велит!.. <77>*; *Вы все, позорищем служащие народу,.. <77>*. В стихотворении «Из Беранже» *Я* – бродяга противопоставляет себя всем остальным. Отсюда и противопоставление я-персонажа обобщённо-отвлечённому *Вы*, из которого исключается *Я*: *Вы все передо мной не правы <115>*.

Второй параграф третьей главы посвящен описанию строения местоименного исхода *что*. Местоимение *что* возглавляет собственную дейктическую микросистему. И как исход означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевлённым.

Местоимение *что* в контекстах поэта означает предмет, вещь, абстракцию, единичную материальную реалию, а также совокупность предметов, признаков, состояний: *Что может избежать от гнева Крона злого? Что может устоять пред грозным богом сим? <1>*. *Что нас на земле мечтою пленяло, как истина, то нам и здесь предстоит! Но что сретаает взор? <6>*.

Местоимение *что* может указывать на бытие, существование: *Что ныне - будет ли всегда?.. <292>*. *На них записана вся повесть О том, что было и что есть-... <306>*.

Выступая в качестве связующего слова, местоимение *что* дополнительно указывает на какой-либо предполагаемый или неопределённо называемый денотат слова. Как отмечает Н.Ю. Шведова, в подобных употреблениях *что* вводит часть сложного предложения индивидуализирующую смысл. Подобные конструкции, где используются *то, та....что* в поэзии Ф.И. Тютчева встречаются достаточно часто. *Ущерб, изнеможенье – и на всём Та кроткая улыбка увяданья, что в существе разумном мы зовем Божественной стыдливостью страданья! <80>*. *Наяву увидят внуки То, что снилось отцам! <138>*.

В лирике Ф.И. Тютчева, наполненной философскими размышлениями о жизни и человеке, немало конструкций с риторическими восклицаниями и вопросами. Отсюда и достаточное количество синтаксических строений, где вопросительное местоимение, наполненное значением бытийного пространства, соответствует отрицательному местоимению «ничто», «никто»: *Давно ль гордясь своей победой, Ты говорил: она моя... Год не прошёл – спроси и сведай, **Что** уцелело от нея?..<187>; **Что** может избежать от гнева Крона злого? **Что** может устоять пред грозным богом сим?..<1>*.

Неопределённость – особенность мировосприятия Ф.И. Тютчева, познание у него носит характер незавершённости, познание для него – это незаконченный процесс. Сама неопределённость может быть более или менее выраженной. Например, в контексте: *Вот тихоструйно, тиховейно, как ветерком занесено, Дымно – легко, мглисто – лилейно вдруг **что-то** порхнуло в окно<126>*. *Что-то* может означать живое существо, небольшое по размеру, умеющее летать.

Как отмечают исследователи, в семантике местоимения *нечто* есть особый компонент – непостижимости, невыразимости, благодаря которому *нечто* используется для передачи семантики умолчания, например: *И **нечто** праздничное веет, Как дней воскресных тишина...<245>*. *Дыханье замирало, сердце ныло И **нечто** грудь теснило...<217>*.

В поэтическом языке Ф.И. Тютчева сегмент определённости у исхода *что* представлен местоимениями *это, он (она, оно), они, то, сам, себя*. Как видно, в строении сегмента присутствует местоимения, входящие в сегменты местоимения *кто*, это ещё раз подтверждает широту смыслового пространства исхода *что*.

В строении исхода *что* местоимение *это*, до наполнения смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами, стоит в начале строения сегмента определённости. Такое положение в микросистеме объясняется характером местоименного значения.

Исследователи полагают, что действительное значение местоимения *это* заключается в указании на предметы, находящиеся непосредственно перед говорящим. Однако следует отметить, что местоимение *это* имеет сложную семантическую структуру и является словом, имеющим отвлечённый, абстрактный характер. Это – самое общее слово. В толковых словарях значение местоимения *это* дается через толкование местоимения *этот*. Однако стоит сказать, что значение слова *это* намного шире и своеобразнее, чем значение слова *этот*.

В поэтической речи наиболее ярко проявляются значения указательного местоимения. Этому способствует общее психологическое пространство между автором и читателем, сформированного на основе чувственного восприятия.

При анализе стихотворений поэта, было выявлено то, что местоимение *это* в конструкциях с местоимением *всё* приобретает особое вещественное значение. *Во сне ль **все это** снится мне, Или гляжу я в самом деле, На что при этой же луне С тобой живые мы глядели? <307>*. *И что ж теперь? И где **все***

это? И долговечен ли был сон? Увы, как северное лето, Был мимолетным гостем он! <187>.

Для поэта характерно употребление местоимения *это* и как указание на категориальную, обобщённую предметность. Конкретизатором такого значения также является конструкция, сочетающая местоимение *это* и местоимение *всё* – *это всё: Я слышал утренние грезы И первый милый лепет Дня- Но поздние, живые грозы- Но взрыв страстей, но страсти слезы, Нет, это все не для меня... <246>.... и это все есть Смерть!.. <83>.* Здесь уже местоимения *это* *всё* в совокупности выполняют смыслообразующую роль.

При уточнении значений местоимений в поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева можно отметить, что указательное местоимение *то* выражает в контекстах поэта значение, не отмеченное в общезыковых словарях. Значение этой лексемы конкретизируется синтаксической конструкцией, местоимение *то* в бессоюзном сложном предложении вмещает значение всей предшествующей части, утрачивает значение указания на отдаленный предмет, ситуацию и сближается с местоимением *это*: *Затею этого рассказа Определить мы можем так: То грязный русский наш кабак Придвинут к высотам Кавказа..<251>. Настанет ночь – и звучными волнами стихия бьёт о берег свой. То глас ее: он нудит нас и просит... <46>.*

Местоимение *этот* наряду с местоимением *сей*, тоже довольно часто встречается в контекстах поэта в сочетании со словом *мир*, и значение его можно было бы подвести к местоимению *сей*. Однако для поэта характерно использование в сочетании *этот мир* ещё одного слова – *весь*, которое является конкретизатором значения всей конструкции «указание на всеобщность, необъятность пространства, воспринимаемого зрительно или при отсутствии такого указания». *И мой весь этот мир, и я схвачу без страха Мироправленья жезл!.. <77>. Она порой ловила призрак чудный, Весь этот мир был так сочувствен ей...<239>. Вот все они - весь этот темный мир: Тут и гнетомый люд, и люд гнетуций, Ложь и насилье, рыцарство и клир...<333>.*

Выражение *сей мир* используется поэтом в качестве устойчивого словосочетания, значение которого можно определить как глобальное пространство, Вселенная, разделить её невозможно.

Выражение смысла всеобщности, всеохватности берут на себя и такие местоимения как *оный, каждый, всякий, все*.

Местоимение *весь* из всех местоимений, означающих всеохватность, является самым ёмким и универсальным: «само это местоимение или сочетания с ним входят в сферу *кто(все), что (всё), когда (во все времена, всю жизнь), где (всюду, во всех местах, повсеместно), куда(во все концы)*»(Н.Ю. Шведова, 1998).

В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева собственно значение всеохватности местоимения *весь* часто представлено в сочетаниях *всё, что было; всё прошло: Всё прошло, всё взяли годы... <108>. И снова будет всё, что есть... <111>. Пройдет оно, как всё прошло... <111>. И всё, что было так недавно...<343>.*

Местоимение *всё* в подобных употреблениях означает «вместе всё живое и неживое, общее явление или ситуацию, всеобщую данность, всеохватность». Подобное значение можно наблюдать в стихотворении «Тени сизые смесились». *Мотылька полет незримый Слышен в воздухе ночном... Час тоски невыразимой!.. Всё во мне, и я во всем!..*<109>.

Для поэтики Ф.И. Тютчева характерно употребление местоимения *всё* как обозначение некоей временной данности, общего временного отрезка, где местоимение принимает значение «всегда, постоянно». *Про юную пальму всё снится ему, Что в дальних пределах Востока,...* <20>. *Но всё грезится сквозь немую тьму -Где-то там, над ней, ясный день блестит И незримый хор о любви гремит...*<313>.

Для того, чтобы усилить проявление чего-либо, поэт использует местоимение *всё* в значении «усиления полноты проявления признака, или чего-либо» в конструкции с формами компаратива: *Вздыхалась грудь ее волною, Алели щеки, как заря, Всё жарче рдея и горя!*< 84>.

Местоимение *всё* может означать у Ф.И. Тютчева собственно исчерпанность: *Вдруг всё смутилось: судорожный трепет По ветвям кипарисным пробежал...* <129>.

Четвертый параграф посвящен описанию семантики местоимений, составляющих строение местоименного исхода *чей*. В концепции Н.Ю. Шведовой в строе местоименных исходов *чей* занимает своё место вслед за *кто*, и *что*. Местоимение *чей* возглавляет общую смысловую категорию «чей – принадлежность». Система местоименного исхода *чей* в словаре Ф.И.Тютчева представлена следующими местоимениями *мой*(47), *моя*(20), *моё*(7), *твой*(75), *твоя*(21), *твоё*(8), *наш*(36), *наша*(8) *наше*(5). Значение этих местоимений в поэтическом дискурсе поэта отличается от представленных в словарях общеязыковых значений. Так, например, в значении: «Принадлежащий мне, данный мне свыше» по-разному проявляется значение принадлежности: а) мой – непосредственно связан с жизнью поэта: *Мой детский возраст смотрит на меня...*<150>. *И мой, каков ни есть, портрет...*<250>; б) принадлежащий автору в переводных стихотворениях: *Неопытно-младые члены Как сладко ум тревожат мой!* <117>; в) персонажу: *Но дружба и любовь, среди житейских волн, Безбедно приведут в пристанище мой челн...*<4>.

Несколько иное семантическое наполнение у местоимения *твой*. Так второе значение в ПСТ определяется как «Исходящий от тебя» [ПСТ:796]. И здесь можно выделить оттенки в значении: а) исходящий от живого (лица одушевлённого): *С какую негою, с какой тоской влюбленный Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем* <134>. *Как дорог был мне твой привет,..*<250>; б) исходящий от неодушевленного предмета: *О ночь, ночь, где твои покровы, Твой тихий сумрак и роса!..*<106>; в) исходящий от бога: *Аллах, пролей на нас твой свет!* <41>. *Небесный царь благослови Твои благие начинанья ...*<140>.

Пятый параграф «Семантика местоимений, составляющих пространственно-временной дейксис поэзии Ф.И. Тютчева» посвящен

описанию семантических особенностей местоимений, участвующих в организации пространства и времени.

Отмечается, что тема времени и пространства – одна из основных, настойчиво проводимых в поэзии Ф.И. Тютчева. Он воспринимает эти две категории как две могущественные силы, которые, с одной стороны, влекут к себе поэта, а с другой – Ф.И. Тютчев понимает, что отношения Времени, Пространства и человека – это отношения боя, бесконечной борьбы.

По мнению многих учёных, Ф.И. Тютчев формирует особый художественный мир, осознать который возможно лишь изучив художественность его пространственно-временного языка. К элементам этого языка можно справедливо отнести и местоименные слова, имеющие пространственное и временное указание, т.е. дейктики пространства и времени. В словаре поэта они представлены следующими местоименными лексемами: *где, там, тут, здесь, куда, туда, когда, тогда*.

В классификации Н.Ю. Шведовой местоимение *где* представляет один из основных местоименных исходов, в нем заключён смысл локализации лица, предмета, ситуации или события. В «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» местоимение *где* характеризуется с точки зрения выполняемых им функций в предложении: вопросительной и связующей части сложного предложения. Но если мы посмотрим, как в этих контекстах реализуется пространственно-временная семантика, то можно констатировать следующее: а) *где* может указывать только на неизвестное автору-говорящему место в риторическом вопросе; б) говоря о прошлом, автор присоединяет к пространственному дейксису и временной. Здесь в форме вопроса выражается полное отрицание в пространстве и времени самого предмета мысли (А.Л. Голованевский, 2009).

Для того, чтобы определить семантическое своеобразие местоимения *где*, важно учитывать, за счёт каких компонентов конкретизируется его значения.

Одним из таких конкретизаторов, указывающих на расширение пространства, является конструкция *там, где, где... там*. Она же и определяет первое значение местоимения: «Указывает на всеобщее пространство, на место, расположенное очень далеко, не в этой стране, не в этом мире, не в этой жизни»: *Стадятя звери там, где процветал Мемфис!<1>. Где прежде мрачна ночь была, там светозарна дня явленье; <6>*.

Одним из конкретизаторов значения *где* выступает слово *здесь*. Отсюда второе значение: «Указывает на место, расположенное рядом, очень близко, хорошо известное автору или его персонажу»: *Токмо здесь прекрасен жизни гений, Здесь, где вечны розы чистых наслаждений, вечно юн Поэзии венок! <6>*.

В немногих контекстах конкретизатором значения местоимения *где* выступает наречие *теперь*. Это позволяет нам определить *где* как местоимение с пространственно-временной характеристикой. Местоимение указывает на пространственно-временную локализацию объектов четко воспринимаемых субъектом: *День, год-другой,- и пусто будет там, Где я теперь, смотря в ночную тьму И, - что со мной, не сознавая сам. <340>. Итак, опять увиделся я*

с вами, Места немилые, хоть и родные, Где мыслил я и чувствовал впервые – И где теперь туманными очами, При свете вечеряющего дня, Мой детский возраст смотрит на меня..<150>.

Пространство, помеченное указательным местоимением *тут*, обозначает то, что в сознании субъекта содержится образ зрительно воспринимаемого или не воспринимаемого фрагмента мира. Пространство, помеченное *там*, обозначает неосвоенность, неизвестность, невидимость расположения образов, объектов.

В тютчевских контекстах *тут* сохраняет свой общий категориальный смысл близости к субъекту, однако наделяется дополнительными контекстуальными наслоениями в значении.

Так в значении лексемы *тут* можно проследить наложение дополнительной семантики отношений: говорящий сопричастен с предметом речи, с ситуацией. Здесь на пространственное значение наслаивается временное, имеющее непосредственное отношение к говорящему. Следовательно, значение местоимения *тут* можно определить как указание на близкое, чувственно воспринимаемое событие, ситуацию. *О сколько жизни было тут, Невозвратно-пережитой! <59>.*

Местоимение *тут* выступает у Ф.И. Тютчева в риторическом вопросе для усиления выражаемого отрицательного значения. И здесь на первый план выступает временное значение, нейтрализуя пространственное. Следует отметить, что проявляется оно в сочетании с местоимением *кто*: *Когда расстроенный кредит Не бьется кое-как, А просто на мели сидит, Сидит себе как рак, - Кто ж тут спасет, кто пособит?..<287>.*

Местоимение *там* в поэтическом словаре поэта приобретает семантическое отличие в сравнении со словарными дефинициями. По наблюдениям И.И. Ковтуновой, слово «там» обладает более широким диапазоном, так как может обозначать пространство, не только доступное физическому восприятию, но и невидимое. «Такое употребление наречия «там» очень характерно для идиостилей Тютчева и Фета, а позднее – Блока» (И.И. Ковтунова, 1986).

Для поэта характерно употребление местоимения *там* как указания на далёкое, но достаточно конкретизированное в пространстве место: *Отчизна: К чему душа и здесь еще стремится И токмо там, в отчизне, обоймет (10); Замок: И в замок, что над морем, Друзей своих созвал И с ними на прощанье, Там сидя, пировал<61>.*

Следует отметить, что при всей склонности к смене планов повествования в своих произведениях за счет подмены элементов указания *тут* и *там*, Ф.И. Тютчев может использовать только местоимение *там* как элемент противопоставления или смещения точки зрения восприятия. Так в стихотворении «Из "Эрнани" <Гюго>» значение местоимения *там* определяется особостью конструкции – противопоставлением *Там..., а там*. Причём Ф.И. Тютчев сознательно использует союз *а* не рядом с местоимением *тут*. Указание *Там* позволяет усилить эффект противопоставления Богатства – нищеты, правителей – народа, высших сословий – низшим, доступность и

недостижимость: *Стоять на высоте и замыкать создание, На высоте - один - меж небом и землей И видеть целый мир в уступах под собой: Сперва цари, потом - на степенях различных - Старейшины домов удельных и владычных, Там доги, герцоги, церковные князья, Там рыцарских чинов священная семья, Там духовенство, рать, - а там, в дали туманной, На самом дне - народ, несчетный, неустанный... <77>*. Такое пространственное противопоставление дополняется противопоставлением одной части человеческого общества, занимающей высокое положение, – другой, удаленной в пространстве.

К словам, означающим временной дейксис, относятся местоименные слова *когда, тогда, сегодня, сейчас*. В словаре Ф.И. Тютчева временной дейксис представлен следующими местоимениями: *когда, тогда, сегодня*.

В теории Н.Ю. Шведовой *когда* – один из смысловых исходов, отражающих время, точку его отсчета или предела.

Для конкретизации значения этого местоимения следует отметить синтаксическую конструкцию, достаточно часто встречающуюся у Ф.И. Тютчева: *люблю..., когда (люблю..)*. *Люблю, когда лицо прекрасной Зефир лобзаньем пламенит, То кудрей шелк взвевает сладострастный, То в ямочки впивается ланит! <19>*.

У поэта местоимение *когда* приобретает и условно-временной оттенок в значении, конкретизатором которого является синтаксическая конструкция *когда бы там*: *Здесь сердце так бы все забыло, Забыло б муку всю свою, Когда бы там - в родном краю - Одной могилкой меньше было <257>; Вовремя с нею не могла расстаться, Когда б иная жизнь спасти ее могла... <364>*.

Местоимение *когда* может совмещать в себе и значение условия: *Когда на то нет Божьего согласия... <264>*.

Когда у Тютчева может выступать и как усилитель оттенка сомнения в происходящем или в произошедшем. Подобное значение проявляется в риторическом вопросе. *Былое - было ли когда? <111>*.

В **заключении** приводятся выводы диссертационного исследования.

Дейктическое пространство языка поэзии Ф.И. Тютчева охватывает весь круг местоименных исходов и их микрогрупп. Именно это обстоятельство способствует тому, что в его поэзии, так или иначе, открываются все смыслы, выражаемые ими. Но это выражение индивидуально-авторское, сугубо тютчевское.

Значимость дейктических слов в тютчевских стихотворениях определяется их способностью моделировать художественное пространство и время, особым образом влиять на композиционное построение произведений поэта.

Особенностью поэтического дейксиса Ф.И. Тютчева являются «сдвиги местоименных отношений», охарактеризованных исследователями как смену точек зрения. Подобные отношения проявляются у поэта на уровне личного, пространственного и временного дейксиса.

Лексико-семантический анализ поэтического дейксиса позволяет считать, что местоименные слова отражают важный признак, свойственный языку поэта: философичность, метафоричность, неоднозначность.

Философичность в текстах поэта прослеживается не только на уровне прочтения, но и в грамматическом строе, в соотношении субъекта и объекта высказывания.

Исследование семантики местоимений в поэзии Ф.И. Тютчева показало то, что поэтическое местоимение включается в общую систему языка, но в то же время занимает особую позицию в поэтической речи.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что местоимение органично вписывается в контекст лирики Ф.И. Тютчева, становясь одним из ключевых элементов его поэтического идиолекта.

Рассматривая дейктическое пространство местоимений с точки зрения современного представления об их месте в языке и речи, особенно поэтической, мы тем самым дополняем существующее представление о роли и функции дейктических слов, намечаем новые подходы к их лексикографическому дифференцированию.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Носорева Т.В. Культура речи – основа культуры личности // Актуальные проблемы социально-гуманитарных и педагогических наук. Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции. Брянск: БГИТА, 2006. С. 81 – 84.
2. Носорева Т.В. Дейксис поэзии Ф.И. Тютчева как фактор богатства русского языка // Современные тенденции функционирования русского языка и культуры речи вузовского преподавателя: Материалы научной конференции. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С.125-130.
3. Носорева Т.В. Структурно-семантическое строение лексемы ЧТО в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» // Проблемы авторской и общей лексикографии. Брянск: РИО БГУ, 2007. С.206-210.
4. Носорева Т.В. О номинативности местоимения *это* в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» // Проблемы ономазиологии и теории номинации. Орёл, ОГУ, 2007. С.163-168.
5. Носорева Т.В. Особенности личных и лично-притяжательных местоимений в «поэзии Ф.И. Тютчева» // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Воронеж: Научная книга, 2008. С.254- 248.
6. Носорева Т.В. Местоимение Мы в поэзии Ф.И. Тютчева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: научный журнал. СПб.: РГПУ, 2009. № 93. С. 203-207.
7. Носорева Т.В. О семантике местоимения Я в поэзии Ф.И. Тютчева // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Выпуск 6. Воронеж: Научная книга, 2009. С.176 - 182.
8. Носорева Т.В. К вопросу о местоимении как особой части речи // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского

языка в вузе и школе. Выпуск 10. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 89 – 95.

9. Носорева Т.В. Местоимение *где* как одно из составляющих пространственного дейксиса поэзии Ф.И. Тютчева// Тютчевский дебют – II: Научные публикации студентов и аспирантов. Брянск: РИО БГУ, 2009. С.218 – 223.

Работа №6 опубликована в издании, соответствующем списку ВАК.